

Протасеня Нина Сергеевна
соискатель, старший преподаватель
кафедры китайской филологии
Белорусский государственный университет
г. Минск, Беларусь

Nina Protasenya
Degree-Seeking Applicant,
Senior Lecturer
of the Department
of Chinese Philology
Belarusian State University
Minsk, Belarus
nlnaprotasenya@gmail.com

**ОСОБЕННОСТИ РЕПРЕЗЕНТАЦИИ АРХИТЕКТУРНОГО КОДА
В КИТАЙСКОЙ ЛИНГВОКУЛЬТУРЕ
(на фоне русской и белорусской лингвокультур)**

**ARCHITECTURAL CODE REPRESENTATION FEATURES
IN CHINESE LINGUOCULTURE
(Against the Background
of Russian and Belarusian Linguocultures)**

В статье представлен общий обзор фразеологических единиц, репрезентирующих архитектурный код культуры в русском, белорусском и китайском языках. Более подробно изложены результаты лингвокультурологического анализа китайских фразеологизмов с компонентами – названиями каркасных конструкций. В рамках исследования данной группы фразеологических единиц выявлены энтомспецифические особенности реализации архитектурного кода в китайской лингвокультуре.

Ключевые слова: лингвокультура; архитектурный код; фразеологические единицы; балка; коньковый прогон, столб.

The article provides a general overview of phraseological units representing the architectural code of culture in the Russian, Belarusian and Chinese languages. The results of a linguocultural analysis of Chinese phraseological units containing components – names of frame structures – are presented in more detail. Within the framework of the units phraseological group study entomspcific features in the implementation of the architectural code in Chinese linguistic culture have been identified.

Ключевые слова: linguistic culture; architectural code; phraseological units; beam; purlin; pillar.

Культурные коды занимают важное место в организации языковой картины мира и комплексно исследуются представителями лингвокультурологических школ (Д. Б. Гудковым, М. Л. Ковшовой, В. В. Красных, О. А. Лещинской, В. А. Масловой, М. В. Пименовой, В. М. Савицким, В. Н. Телия и другими учеными). В лингвокультурологии термин *код культуры* трактуется как «исторически сложившаяся нормативно-ценностная символическая система вторичного означивания, несущая в себе культурную информацию о мире и социуме, структурирующая, организующая этнокультурное сознание и проявляющаяся в процессах категоризации мира (в том числе – в процессах языкового миромоделирования» [1, л. 20].

Архитектурный код реализуется в тех именах строений, их частей и прилегающих к ним территорий, которые, помимо первичного номинативного, обладают еще и переносным образным значением и выступают как знаки вторичной семиотической системы. Наиболее ярко культурно значимые смыслы единиц архитектурного кода реализуются во фразеологизмах (в широком понимании термина – включая паремии), что обусловлено тропеической природой их внутренней формы.

Как показывает анализ идеографических, толковых и фразеологических словарей сопоставляемых языков, в архитектурном коде особое место занимают наименования следующих конструктивных элементов дома и прилегающей территории: *дверь, ворота, порог, стена, забор, крыша, окно*. Фразеологизмы с данными компонентами наиболее ярко демонстрируют процесс образования вторичных значений, которые включают культурные смыслы, связанные с окружающим миром, человеком и его деятельностью. Поясним сказанное на примере фразеологизмов с компонентами *дверь, ворота, порог, стена, забор, крыша, окно*.

Дверь, ворота/дверы, вароты/门. В трех культурах ворота и дверь символически передают идею размежевания «своей» и «чужой» территории или соединения пространств, могут кодировать как положительные, так и отрицательные стороны взаимодействия людей друг с другом и с окружающим миром: а) гостеприимство, желание вступить в контакт (русск. *Для дорогого гостя и ворота настежь*; бел. *Для дарагога госця і вароты насцеж*; *过门都是客* ‘быть гостеприимным к каждому, кто оказывается возле входа в дом’ (букв. ‘проходящие мимо ворот – все гости’)); б) отказ от потенциальных контактов, лишение каких-либо возможностей (русск. *от ворот поворот*; бел. *ад варот паварот каму*; кит. *闭门谢客* ‘отвергать контакты с внешним миром’ (букв. ‘запереть двери и отказывать в приеме гостям’)); в) разрыв уже существующих контактов (русск. *выбрасывать / выбросить / выкидывать / выкинуть / вышвыривать / вышвырнуть за ворота кого-л.*; бел. *выкідванне за вароты каго, выкідваць / выкінучь за вароты каго*; кит. *扫地出门* ‘избавиться от всего; лишить всего семейного имущества и выгнать из дома с пустыми руками’ (букв. ‘поднести и вынести за дверь’)).

Фразеологический фонд каждого из трех языков представляет ворота и дверь как символ перехода в загробный мир: русск. *Узка дверь в могилу, а вон – и той нет*; бел. *Шырокія вароты на той свет, ды адтуль не выйсці*; кит. *进鬼门关* ‘умирать; перенести страдания и трудности’ (букв. ‘войти в ворота заставы бесов’). В архитектурном коде китайской лингвокультуры образ дверей символизирует входжение человека в духовную сферу, связан с буддийской практикой самосовершенствования: *师父领进门, 修行在各人* ‘наставник играет лишь направляющую роль в овладении знаниями, решающими являются собственные старания’ (букв. ‘наставник подводит к двери, человек сам изучает буддийскую веру’). Дверь также связана с идеей семей-

но-родовой и социальной общности: 寒门生贵子, 白屋出公卿 ‘в бедных семьях часто рождаются выдающиеся люди’ (букв. ‘[за] холодными дверями рождается благородный сын, в домах с белыми стенами рождаются гуны и цины’); 一/门同气 ‘близкие отношения и братские чувства между братьями или людьми одной системы взглядов’ (букв. ‘одна дверь, одинаковая духовная близость’).

Порог/парог/门槛/门坎/门限. В русской и белорусской культурах порог (как и дверь, ворота) выступает в роли символа, репрезентирующего границу дома. Ср. фразеологизмы, связанные с пространственно-временным противопоставлением «начало – конец пребывания в жилище»: *переступить / перейти и т. п. чей-л. порог; за порогом (быть, находиться и т. п.), за порог (ступить, уйти и т. п.); пераступаць / пераступіць парог чый, чаго.*

В архитектурном коде русской и белорусской лингвокультур порог символизирует пространственно-временную близость, служит обозначением начала: *что-л. (стоит, встанет и т. п.) на пороге, у порога* ‘о том, что должно очень скоро наступить’; *с порога* ‘сразу же после прихода куда-л.’; *споткнуться на пороге* ‘совершить ошибку, промах в самом начале какого-л. дела’; *на парозе* ‘вельмі хутка, у самы бліжэйшы час наступіць, будзе што-н.; напярэдадні чаго-н., непасрэдна перад тым, што надыходзіць, наступае’; *з порога* ‘адразу і рашуча, без разважання (заяўляць, адмітаць і пад.)’.

С порогом связаны многочисленные ритуально-обрядовые действия, основанные на представлении о сакральности его функции как границы. Велика роль порога в бытовом этикете и ритуалах при вступлении в дом или уходе из дома: «Перед порогом следует остановиться, помолиться, особенно при входе в чужой дом» [2, с. 173]. Ср.: рус. *Без Бога ни до порога*; бел. *Без бога ні да парога* ‘каждуць, калі трэба сцвердзіць, што без Бога як вярхоўнай істоты і кроку не ступіш, што ўсё падуладна Богу’. С порогом также соотносятся различные запреты, действующие на уровне повседневных стереотипов поведения: *Через порог не здороваться, не беседовать; Через порог руки не подают; На пороге не стоят; Ад парога падлогу не мятуць.*

В китайской лингвокультуре порог символизирует предел: 铁门限 ‘конец и предел человеческой жизни’ (букв. ‘железный порог’). В некоторых фразеологизмах акцентируется внимание не только на семантике предела, но и подчеркивается максимальная или минимальная граница объекта: 门槛高 ‘выдвигать высокие требования’ (букв. ‘высокий порог’); 降低门槛 ‘ослабить требования; снижение цен для расширения числа потребителей’ (букв. ‘снизить порог’). Высокий порог также может символизировать богатство, высокий социальный статус: 门槛高 ‘высокое положение, могущество’ (букв. ‘высокий порог’); 爬高门坎儿 ‘заискивать, лебезить перед влиятельными людьми’ (букв. ‘лесть на высокий порог’).

Стена, забор/сцяна, мур, плот/墙/壁/篱/篱笆. В трех лингвокультурах стена и забор маркируют «свое» или освоенное пространство и символизируют защищенность человека (рус. *И стены в доме помогают; Забор*

высок – не увидишь; Без забора [да] без запора не уйдёшь (не спасешься) от вора; бел. Дома і вуглы (сцены) памагаюць; як за плотам ‘пра надзейнае, абароненае пачуванне сябе дзе-н.’; кит. 铜墙铁壁 ‘крепкая, неразрушимая защита’ (букв. ‘медные стены, железные валы’); 篱牢犬不入 ‘если защитные меры эффективны, то никто не сможет найти лазейку’ (букв. ‘забор прочный, собака не влезет’)).

Стена как эталон прочности может кодировать сильные стороны человека и его деловые качества: русск. (чувствовать себя за кем) как за каменной стеной; бел. За мужыковай спиной як за сцяной; як за мурам; 一面墙能挡八面风 ‘один человек может справиться с разными делами’ (букв. ‘одна стена может защищать от ветра, дующего со всех сторон’). Ср. схожие фразеологизмы с компонентом забор: рус. Плохой муж не забор, а все-таки ограда ‘даже плохой муж – защита жены’; бел. диалектн. За добрым человеком ек за плотом, а за нехорошим – ек за частоколом ‘пра жыццё за рознымі мужамі’.

В трех лингвокультурах стена представлена как символ сплоченности и надежных взаимоотношений между людьми: рус. хорошая дружба крепче каменных стен; бел. дружба мацней каменных сцен; кит. 土帮土成墙, 穷帮穷成王 ‘сплотившись воедино, можно успешно завершить дело’ (букв. ‘земля прилипает к земле и образует стену, бедняк помогает бедняку и становится правителем’).

Будучи амбивалентной единицей культурного кода, стена может транслировать и противоположные смыслы – выступать, в частности, символом препятствия: рус. лбом стены / стену не прошибешь; бел. галавою / ілбом сцяны / сцяну / муру / мур не праб’еш; кит. 碰南墙 ‘столкнуться с препятствиями, трудностями или неудачами’ (букв. ‘натолкнуться на южную стену’).

Образ стены в силу ее объективных характеристик (твердости и непроницаемости) может выступать эталоном проявления упрямства: рус. как / об стенку горох; как от / стены горох; бел. не прыстае як да сцяны гарох; што гарох аб сценку; так да каго [прыстае] як да сцяны / аб сцяну гарох; казаць як гарохам аб сцяну; 一头撞到南墙 ‘человек, который упрям, своенравен и несгибаем; действует безрассудно и никогда не раскаивается, даже если потерпит неудачу’ (букв. ‘головой стукнуться о южную стену’).

Естественные объективные функции стены и забора – разделение и ограждение – становятся культурно значимыми признаками, вследствие чего у лексем формируется символическое значение изоляции, уединения, а также ограничения взаимодействия с другими людьми: рус. в четырех стенах сидеть, жить и т. п.; стена равнодушия, недоверия, непонимания, неприязни, молчания; С соседом дружись, а забор городи; бел. у чатырох сценах ся-

дзе́ць, жы́ць і пад.; сцяна маўчання; кит. 杜牆不出 ‘не выходить и прекратить общение с внешним миром’ (букв. ‘затвориться в стенах и не выходить’); 好兄弟高打牆, 亲戚朋友远离乡 ‘родные братья и близкие друзья должны соблюдать определенную дистанцию, чтобы предотвратить конфликты из-за слишком близкого общения’ (букв. ‘братья возводят высокие стены, родственники и друзья держатся вдали от дома’); 有好篱笆才有好邻居 ‘хорошие взаимоотношения могут быть достигнуты, если сдерживать и ограничивать друг друга’ (букв. ‘только при хорошем заборе можно иметь хороших соседей’).

Крыша/дах, страх/屋. В архитектурном коде русской и белорусской лингвокультур крыша символизирует единение (*жыть под одной крышей*; *пад адным дахам (пад адной страхой) жыць / пражыць*); метонимически замещает дом и отражает стереотипные представления о ценности «своего» пространства: *Каждому нужна своя крыша над головой; Свая стрэха – свая ўцеха.*

Для китайских фразеологизмов, внутренняя форма которых опирается на образ крыши, актуальна семантика оценки уровня благосостояния человека (*土阶茅屋* ‘убогое жилище; жить скромной жизнью или в бедности’ (букв. ‘земляные ступени, соломенная крыша’)) и трудных ситуаций (*屋漏又遭连阴雨* ‘непрерывно попадать в беду, обстановка ухудшается’ (букв. ‘крыша протекает, да еще и затяжной дождь’)).

Окно/акно/窗. В русской и белорусской лингвокультурах окно выступает как символ связи с внешним миром: *окно в мир; АДЧЫНЯЦЬ / РАСЧЫНЯЦЬ / АДЧЫНiць / расчынiць акно ў свет (якi, каму).* Окно осмысливается как проводник света, который обеспечивает непрерывную связь с солнцем. Свет, проникающий в окно, является символом надежды: *И в мое оконце засветит солнце; ЗАГЛЯНЕ СОНЦА і ў наша ваконца.* В китайском языке окно как источник света и в то же время трудностей и лишений является образной основой фразеологизмов, описывающих интеллектуальную деятельность человека: *十年寒窗* ‘долгая и тяжелая учеба’ (букв. ‘десять лет у холодного окна’).

梁‘балка’, 栋‘коньковый прогон’, 柱‘столб’. Остановимся подробнее на характеристиках данных единиц, поскольку они составляют наиболее яркую отличительную особенность архитектурного кода китайской лингвокультуры¹. Это обусловлено национальной спецификой традиционной архитектуры Китая: «Главным конструктивным элементом здания выступает каркас, состоящий из столбов-балок и балочных перекрытий, которые и при-

¹ В нашем материале имеется только шесть русских фразеологизмов с компонентами *матица* ‘потолочная балка, основа для крыши’ и *балка*.

нимают на себя всю тяжесть кровли (крыши)» [3, с. 234]. Балка, столб, а также коньковый прогон (как разновидность балки) выступают в качестве символов опоры и прочности. Данные конструктивные элементы дома нередко задействованы в описании важнейших положительных характеристик человека: «Балке в крыше уподобляется крупный чиновник государства; о каком-нибудь сановнике говорится, что он словно столб в доме – убрать его невозможно» [4, с. 120].

При сооружении каркаса особое внимание уделялось балкам и коньковому прогону (коньковой балке), которые обеспечивали надежность кровли и в силу этого считались символами благополучия семьи. С этими представлениями связаны некоторые обрядовые действия: «В народе, когда в новом доме устанавливают балку, принято приглашать родственников и друзей, чтобы отметить данное событие. На двери также вывешивают благоприятные и счастливые надписи, такие как: «утреннее солнце восходит над крышей, цзывэй (название созвездия) обвивает балки», «сорока щебечет на балке, разноцветные облака поднимаются над столбами», «люди едины и коньковая балка прямая, процветает мир и процветает семейное дело»» [5, с. 194].

В материал исследования мы включили китайские фразеологизмы, содержащие как односложные, так и двусложные слова: 梁 ‘балка’¹; 梁木 ‘балка’; 栋 ‘коньковый прогон’, 栋梁 ‘коньковая балка’, 大梁 ‘коньковая балка’, 正梁 ‘коньковая балка’²; 柱 ‘столб’; 柱子 ‘столб’³. Языковой материал был извлечен из 5 фразеологических словарей китайского языка [7], [8], [9], [10] (основные источники для сплошной выборки), [11] (дополнительный источник). В результате анализа 74 фразеологических единиц, отобранных в соответствии с указанными выше параметрами, было выделено семь семантических объединений. Количественное распределение материала исследования по данным семантическим группам показано в таблице. Относительное количество в процентах отражает долю данных единиц в рамках подкорпуса фразеологизмов, включающих образы балки, конькового прогона и столба в китайской лингвокультуре.

¹ Лексема 梁 в толковом словаре китайского языка семантизируется как ‘длинный несущий элемент, расположенный горизонтально. Длинные брусья в деревянном каркасе крыши, которые укладываются вдоль передней и задней оси и опираются на столбы’ [6, с. 814]. При семантизации фразеологизмов мы используем переводческое соответствие балка.

² Лексемы 栋, 栋梁, 大梁, 正梁 семантизируется как ‘самый верхний горизонтальный брус, установленный на стропильной ферме или фронтоне’ [6, с. 613]. При семантизации фразеологизмов мы используем переводческое соответствие коньковый прогон, коньковая балка.

³ Лексемы 柱, 柱子 семантизируется как ‘вертикальный несущий элемент здания, изготовленный из дерева, камня, стали, железобетона и др.’ [6, с. 1715]. При семантизации фразеологизмов мы используем переводческое соответствие столб. В научной литературе архитектурной тематики также встречаются переводческие соответствия: опора, колонна.

**Фразеологическая активность единиц архитектурного кода
китайской лингвокультуры
(в рамках семантических групп)**

Название семантической группы	Количество единиц		
	Балка	Коньковый прогон/коньковая балка	Столб
Характеристики человека и его деятельность	16 (45,7 %)	15 (65,3 %)	11 (68,8 %)
реалии и явления окружающего мира	9 (25,7 %)	3 (13,1 %)	2 (12,5 %)
Взаимоотношения и взаимодействие людей	5 (14,2 %)	1 (4,3 %)	2 (12,5 %)
Область духовной культуры и мировоззрения	2 (5,7 %)	0 (0 %)	0 (0 %)
Социальный статус и уровень благосостояния человека	1 (2,9 %)	2 (8,7 %)	1 (6,2 %)
Пространственные и временные отношения	1 (2,9 %)	1 (4,3 %)	0 (0 %)
Трудные ситуации и угрозы благополучию	1 (2,9 %)	1 (4,3 %)	0 (0 %)
Всего:	35	23	16

В настоящей статье нашел отражение лингвокультурологический анализ семантической группы, интерпретирующей качества и деятельность человека (наиболее представительной в количественном отношении – 42 единицы из 74).

В семантике многих китайских фразеологизмов запечатлено анимистическое восприятие мира, позволяющее уподоблять человека части строения. С образами коньковой балки, прогона и столба, обеспечивающих устойчивость всего здания, связаны представления о человеке высоких умственных и нравственных качеств, способном взять на себя роль руководителя. В связи с этим перечисленные архитектурные компоненты обладают символическими значениями ‘столп (опора) государства’, ‘человек государственного ума’, ‘государственный деятель’. Ср.: **国家栋梁** ‘человек, который берет на себя важные государственные обязанности’ (букв. ‘коньковая балка государства’); **泰山梁木** ‘человек, взявший на себя серьезную задачу; выдающаяся личность’ (букв. ‘гора Тайшань и балка’); **厚栋任重** ‘только добродетельный и талантливый человек может исполнять важные должностные обязанности’ (букв. ‘толстый коньковый прогон выдерживает тяжелую ношу’); **顶柱子** ‘человек, который играет ключевую роль и может взять на себя большую ответственность’ (букв. ‘поддерживающий столб’).

Анимистические представления также отражены во фразеологизмах, образно выражаящих смерть значимой личности: **大殿倒了正梁子** ‘утрата лидера’ (букв. ‘в главном зале рухнула коньковая балка’); **栋折榱崩** ‘скончался великий деятель’ (букв. ‘коньковый прогон сломался, стропила обрушились’).

Фразеологизм 破了大梁当烧火棍 ‘неэффективно использовать талантливых людей’ (букв. ‘расколоть коньковую балку и использовать ее в качестве кочерги’) содержит метафору, уподобляющую поведение, губящее дарования и способности человека, неправильному использованию балки. Образ фразеологизма выражает стереотипное представление о недооценке людей и неэффективном использовании человеческих ресурсов. Ср. противоположный по значению фразеологизм, в котором второстепенная роль стропил по отношению к роли столба как главного опорного элемента метафорически означает завышенную оценку человека с заурядными способностями: 束椽为柱 ‘использовать малоспособного человека для высоких целей’ (букв. ‘связка стропил в качестве столба’).

Надежность балочно-стоечной конструкции в значительной степени зависела от используемого материала, что и отразилось в архитектурном коде культуры. Подходящий для изготовления балок материал выполняет роль эталона при оценивании интеллектуальных способностей человека, символизирует выдающийся ум, высокий интеллект и сильную волю: 栋梁之才 ‘человек, который может взять на себя важные государственные обязанности’ (букв. ‘лес для коньковых прогонов и балок’).

В большинстве фразеологических единиц, реализующих архитектурный код, эталоном низкого уровня интеллектуальных данных выступает некачественный или ненадежный материал для создания и возведения балок и столбов: 无根的浮萍,长不成栋梁之材 ‘непрочная основа, легкомысленный характер, человек, из которого ничего не выйдет’ (букв. ‘бескорневая ряска не может вырасти и стать лесом для коньковых прогонов и балок’); 腐木不可以为柱 ‘совершенно бездарный и неспособный человек не сможет занимать крупную должность, и его нельзя наделить серьезными полномочиями’ (букв. ‘из гнилого дерева столба не сделаешь’).

Во фразеологизме 抚梁易柱 ‘очень сильный’ (букв. ‘поддерживать руками балки, заменять столбы дома’) образ человека, способного принять на себя тяжесть балки, выступает в качестве эталона большой физической силы. Сильное и выносливое тело человека уподобляется стене, укрепленной столбом. Так, в основе чэньюя 壁里安柱 ‘укреплять организм, укреплять тело’ (букв. ‘установить столб внутри стены’) лежит аналогия «внутренняя основа человеческой силы – столб внутри стены».

Во фразеологизмах с компонентами *балка* и *столб* отражены также и отрицательные характеристики человека и его поведения. В рамках фразеологизма 跳梁小丑 (букв. ‘клоун, прыгающий на балке’) взаимодействуют образы балки, символизирующей организованность, порядок, и клоуна как эталона неподобающего, несерьезного поведения, приводящего к беспорядку и хаосу. В результате формируется значение ‘плохой человек, который создает беспорядок и бесполезен для общества’.

Будучи ключевыми конструктивными элементами, балки и столбы не только служат опорой, но и обеспечивают идентичность здания. Их повреждение или изменение метафорически переосмысливается как коренное изменение ситуации. Ср. чэньюй 偷梁换柱 ‘обманывать, тайно изменить содержание вещей или характер дела’ (букв. ‘украсть балки и заменить столбы’).

Лингвокультурный потенциал единиц 梁 ‘балка’ и 大梁 ‘коньковая балка’ раскрывается и в образном порицании человеческих пороков, таких как избыточная самоуверенность и высокомерие. Ср., 房梁上搁尿盆 – 架子不小 ‘высокомерное поведение’ (букв. ‘на балке дома поставить ночной горшок – полка немаленькая’); 抓个麻雀放在大梁上 – 鸟不大, 架子可不小 ‘человек низкого статуса и положения, но держится надменно’ (букв. ‘схватить воробья и посадить на коньковую балку – птица небольшая, полка немаленькая’). Создание метафорических образов фразеологизмов обеспечивает антитеза, в которую, помимо балки, вовлекаются другие единицы, не менее насыщенные культурной информацией, но с уничижительной оценкой (балка vs ночной горшок, балка vs воробей). Сходным образом может быть охарактеризован человек, берущийся не за свое дело. Так, в пословице 骆驼上梁儿, 麻雀儿生鹅蛋 ‘заниматься тем, что не по силам; много говорить по мелочам и преувеличивать’ (букв. ‘верблюд залазит на балку, воробей откладывает гусиное яйцо’) взаимодействуют компоненты архитектурного (балка) и зооморфного (верблюд, воробей) кодов, создающие образ абсурдного поведения, результатом чего является усиление поучительного эффекта. О продуктивности взаимодействия кодов свидетельствует также образный потенциал оппозиции «столб vs стрекоза» в полисемичном фразеологизме 蜻蜓撼石柱 (букв. ‘стрекоза толкает каменный столб’). С одной стороны, столб выступает в качестве эталона твердости и устойчивости, а с другой – коннотирует огромный масштаб усилий, необходимых для решения задачи. Стрекоза же как элемент зооморфного кода выступает эталоном малого и слабого существа. В первом семантическом варианте фразеологизма реализуются смыслы, подобные рассмотренным выше, – ‘переоценить свои силы’; во втором варианте (‘спокойный, неподвижный’) акцент внимания смещается на единицу архитектурного кода – столб, символизирующий стабильность. Как видим, во фразеологизме реализуются важнейшие архетипические оппозиции «легко – тяжело» и «большой – маленький».

Проведенный анализ позволяет утверждать, что единицы 梁 ‘балка’, 柱 ‘коньковый прогон’, 立 ‘столб’ обнаруживают высокую фразеологическую активность в рамках анализируемой семантической группы и составляют специфику реализации архитектурного кода в китайской лингвокультуре (на фоне русской и белорусской). Выявлены следующие культурно значимые смыслы названных компонентов: ‘основа’, ‘ключевая опора’, ‘главная сила’,

‘выдающийся государственный деятель’, ‘руководитель, лидер’. Эти символические значения в ряде случаев основываются на оппозициях «большой – маленький», «значимый – незначимый», «легко – тяжело».

ЛИТЕРАТУРА

1. Капелюшник, Е. В. Кулинарный код культуры в семантике образных средств языка : дис. ... канд. филол. наук : 10.02.01 / Капелюшник Евгения Владимировна ; Нац. исслед. Том. гос. ун-т. – Томск, 2012. – 199 л.
2. Славянские древности : этнолингв. слов. : в 5 т. / РАН, Ин-т славяноведения и балканистики ; под общ. ред. Н. И. Толстого. – М. : Междунар. отношения, 1995–2014. – Т. 4 : П (Переправа через воду) – С (Сито). – 2009. – 649 с.
3. 玛丽娜·克拉夫佐娃. 中国文化概论: 俄语 / 玛丽娜·克拉夫佐娃, 张冰. – 北京: 北京大学出版社, 2020. – 346 p. = Кравцова, М. Очерк культуры Китая: русская версия / М. Кравцова, Чжан Бинчжу. – Пекин : Изд-во Пекин. ун-та, 2020. – 346 с.
4. Хуан Шунь. Древнекитайский язык. Тексты, грамматика, лексический комментарий : учебник / Хуан Шунь, М. В. Крюков – 2-е изд., испр. и доп. – М. : Издат. дом ВКН, 2020. – 536 с.
5. 汉字中的古代建筑 / 陈鹤岁著. – 天津 :百花文艺出版社, 2004. – 227 p. = Древняя китайская архитектура в иероглифах / сост. Чэнь Хэсуй. – Тяньцзинь : Изд-во лит. и искусства Байхуа, 2004. – 227 с.
6. 现代汉语词典 / 中国社会科学院语言研究所词典编辑室. – 7版. – 北京 :商务印书馆 2016. – 1800 p. = Словарь современного китайского языка / Лингвист. исслед. ин-т Кит. акад. обществ. наук. – 7-е изд. – Пекин : Коммерч. изд-во, 2016. – 1800 с.
7. 中华成语辞海 / 主任陈霞村. – 长沙 :湖南教育出版社, 2014. – 16, 1796 p. = Китайский фразеологический словарь Цыхай / гл. ред. Чэнь Сяцунь. – Чанша : Изд-во «Просвещение Хунань», 2014. – 16, 1796 с.
8. 谚语大词典 / 高歌东主编. – 2版. – 成都 :四川辞书出版社, 2022. – 36, 1049 p. = Большой словарь пословиц / гл. ред. Гао Гэдун. – 2-е изд. – Чэнду : Изд-во словарей Сычуан словарь, 2022. – 36, 1049 с.
9. 汉语惯用语词典 / 黄斌宏主编. – 北京 :商务印书馆, 2009. – 13, 1504 p. = Словарь привычных выражений китайского языка / гл. ред. Хуан Биньхун. – Пекин : Коммерч. изд-во, 2009. – 13, 1504 с.
10. 新华歇后语词典 / 温端政主编. – 北京 :商务印书馆, 2008. – 13, 646 p. = Словарь недоговорок-иноскажаний / гл. ред. Вэнь Дуаньчжэн. – Пекин : Коммерч. изд-во, 2008. – 13, 646 с.
11. 俗语大词典 / 温端政主编. – 北京 :商务印书馆, 2015. – 12, 2522 p. = Большой словарь поговорок / гл. ред. Вэнь Дуаньчжэн. – Пекин : Коммерч. изд-во, 2015. – 12, 2522 с.

Поступила в редакцию 01.04.2025